

Впереди асфальтовая дорога, но мы не идем по ней, а спускаемся в кусты. Чем ближе граница, тем сильнее в воздухе пахнет гниющей плотью и гарью.

Вокруг были разбросаны трупы тварей, а в пятистах метрах впереди высилась огромная гора из мертвяков.

— Ужас, — прохрипел Старый, вытирая пот со лба, но никто из ребят ничего не ответил.

Таких трупных гор было много, а солдаты, используя строительную технику, сгребали оставшиеся на земле тела монстров, образуя все новые горы. Наблюдая за происходящим, я прекрасно понимал, почему правительство решило устроить бомбардировку.

Отметив крестиком наше расположение, я направился вглубь леса, подальше от яркого света.

Масштабы развороченной территории были ошеломляющими. Такое большое количество солдат значило, что в этом районе точно есть еще военные. Я в недоумении пожевал губу, думая. Этот маршрут считался безопасным, однако теперь это не так. Старый потрепал меня по плечу.

— Не расстраивайся, поищем другой путь, хорошо? Давай пока осмотрим всю территорию.

Я кивнул и сделал вдох, чтобы успокоиться. Ничего не изменится, если буду раскисать.

Некоторое время смотрел на бегающих в потоках света солдат, а затем подал команде сигнал, и, менее, чем за три секунды, мы скрылись из виду.

Перед нами виднелись ямы от бомбежек и обугленные скелеты деревьев, которые все еще тлели. К счастью, ни один из пожаров не был крупным, но и мелких было достаточно, чтобы замедлить движение.

Время от времени далекий отблеск света вызывал дрожь в позвоночнике, как будто мы вот-вот встретим солдат. Наша быстро иссякающая выносливость и все более напряженные мышцы ног значительно затрудняли движение.

Но пришлось стиснуть зубы и двигаться вперед. Это наша последняя и самая важная миссия, в которой одна ошибка — и ты уже труп. Здесь требовалось не просто выполнить поставленную цель, а выполнить ее с успехом.

В этот момент я поскользнулся, внезапно встревожившись, и чуть не упал. Благо, Старый успел схватить за руку. Но я даже не понял, что падаю, потому что услышал какой-то звук.

Когда останавливаюсь и прислушиваюсь, остальные тоже прекращают идти и, чувствуя, что что-то не так, начинают прятаться в траве. Я отпускаю руку старика и ложусь на землю.

Точно, я определенно это слышу. И чтобы убедиться, что не один это услышал, повернулся, видя, что ребята напряглись и подняли оружие. А ведь мы еще не добрались до дороги на карте. Осталось бежать еще около десяти минут, но сегодня снова не повезло.

Я медленно поднимаю руку, приказывая людям разбежаться во все стороны, и начинаю красться к направлению звука.

— Слышь, это точно люди, — прошипел Старый мне на ухо.

Я кивнул в ответ, молча перевесил винтовку на спину и стал прислушиваться к звукам, которые становились все ближе и ближе.

И вот вдалеке показался отблеск фонарика. В тот момент, когда свет проходит над моей головой, ребята, лежащие рядом, затаивают дыхание.

В пятидесяти метрах от нас проходит горная тропа, и я вижу группу людей, медленно идущих к ней. Ропот вскоре превращается в отчетливые голоса.

— К-командир...вы уверены, что не попадем в беду? Это уже район Зоны, откуда монстры лезут. Какого черта мы здесь делаем, а?

— Ты, блять, издеваешься? Не понимаешь, что происходит?

Всего восемь человек. Одеты в военную форму, вооружены. На концах их винтовок глушители оборонного цвета, а слабый запах пороха, щекочущий ноздри, говорит о том, что они некоторое время назад стреляли.

Подслушав их разговор, я быстро оцениваю ситуацию и вскоре обнаруживаю, что обхватываю старика за плечи и выпускаю вздох. Не понимаю, почему они зашли так далеко в Зону. Но граница уже совсем рядом, поэтому быстро отбрасываю лишние мысли и начинаю продумывать план.

Три секунды в моем ускоренном сознании проносились мысли, и за это время я решил пропустить их без боя. Наша цель — разведка, а не бой. Меньше всего нам нужна ненужная битва.

У меня нет времени обсуждать это с отрядом, поэтому поспешно поднимаю руку и быстро показываю ребятам несколько сигналов. Те быстро начинают трусить по полу, пытаюсь замести следы.

— Разве не было сказано, что здесь никого нет? Да и время года такое холодное, какие тут могут быть партизаны? Давайте просто вернемся в штаб и скажем, что никого не видели.

На лицах всех солдат читались тревога и страх. Конечно, темный лес вызывал у них чувство страха, вдруг оттуда сейчас выпрыгнет тварь.

Вот почему у заикающегося парня за спиной командира отряда дрожали губы, когда он пытался убедить его повернуть назад. Однако командир, скрывая страх, повернулся к подчиненному и рявкнул.

— Ты, ублюдок тупоголовый, сам сказал, что видел свет в лесу, так какого хера теперь ноешь? А если это сраные шпионы, то своей башкой будешь отвечать. В новостях только и говорят про всю эту мутню с Северной Кореей. Это для тебя шутка?!

Солдат опустил голову, пока командир тихо рычал на него, а я смотрел на все это, не в силах унять дрожь в руках.

Они пришли сюда, потому что заметили свет в лесу. Слова "партизаны", "шпионы" и "Северная Корея" пронеслись в голове, но я постарался мыслить рационально.

В густой темноте и крохотной свечи будет достаточно, чтобы тебя заметили, а я ведь говорил людям быть осторожнее...

— Если начальство право, и это шпионы, то парни из другого отряда могли с ними столкнуться. У них там, наверное, вообще жопа полная, так что нам ещё повезло, чувак, — сказал товарищу другой солдат, который шел позади.

Заметив в лесу маленький огонек, солдаты отправились на разведку, и вот так из жертв, запертых в Зоне, мы превратились во вражеских солдат, которых нужно убить.

Внезапно моя рука напряглась, хрустнув кожаной перчаткой, и чувствительные нервы, зародившиеся в пальцах ног, вспыхнули, как вулкан. Командир отряда сплюнул на землю.

— Вы серьезно верите, что командование говорит? Доказано, что здесь нет людей, только херня какая-то бегают, которую надо бомбить. Так для чего нас сюда сунули? Ясен пень, что они что-то задумали, у главного на лице это было написано.

Несмотря на слова, голос его слегка дрожал. Рядом со мной Старый выглядел так, словно подавляет рвущийся наружу крик. Очевидно, этот командир отряда был о чем-то предупрежден вышестоящим руководством.

Была ли это информация о гражданских внутри отцепления, которых надо убрать, или просто дезинформация, неясно. Но одно было понятно: наше положение стало крайне опасным.

Командир продолжал.

— А если чё случится, и здесь объявят готовность второго уровня по Дефкону*, то как быть обычным солдатам? Давайте-ка просто сделаем, что говорят, и уйдем отсюда живыми.

Моя команда продолжает бесшумно копошиться на земле, и я поднимаю руку, давая приказ напасть на солдат.

Не важно, что они заметили свет в лесу. В процессе обустройства лагере луч света неизбежно вырвется наружу. Солдатам просто повезло его заметить, но проблема в том, что вести с нами диалог они не будут. Всё уже решили за нас, никто разбираться не будет. Выжившие — это вооруженные шпионы, и их надо уничтожить.

Я отбросил эту мысль, стараясь не поддаваться эмоциям. Нужно действовать рационально, и убить их не со злости, а потому, что они представляют опасность. Времени медлить нет.

В этот момент Старый издал протяжный свист, призывая команду атаковать, а сам вскинул арбалет, стреляя.

Со всех сторон без единого звука полетели болты, унося жизни солдат, словно Мрачный Жнец в темной мантии. Командиру, который с раздражением шел впереди, болт, выпущенный стариком, пронзил шею, и солдаты, следовавшие за ним, тоже были пронзены один за другим, проливая кровь, казавшуюся черной в темноте.

Я выхватил меч из ножен на поясе и вскочил на ноги. Солдат, стоявший в центре строя и заметивший меня, вскрикнул и удивленно поднял винтовку. Но я был быстрее.

Хватаю дуло винтовки, нацеленное на меня, и опускаю его. И прежде чем он успел нажать на курок, моя правая рука нащупала его палец.

Раздался жуткий хруст сломанного пальца, а я поднял меч и вонзил его солдату прямо в сердце. Тот с удивлением оседает на землю, вероятно даже не почувствовав боль.

Со всех сторон доносятся неистовые крики и звуки борьбы. Но преимущество внезапного нападения в темноте быстро подавляет даже сопротивление тренированного солдата, и вскоре снова становится тихо.

Я вытираю кровь с меча и приближаюсь к старику, когда слышу голос солдата впереди.

— П-пожалуйста, не надо...Я не хочу...Помогите...

Кто-то ошибся с прицелом, и мужчине болт попал в правое плечо. Его шлем уже давно

потерян, а винтовка лежит в грязи. Красная кровь медленно растекается по военной форме. Руки жалко дрожат, когда он осторожно поднимает их.

Он смотрит на нас испуганно, понимая, что не сможет справиться с ситуацией и умоляет пощадить его. Перед ним Пак Да Хе, держащая в руках арбалет, по лицу которой текут слезы.

Арбалет в руке девушки уже заряжен. Если она правильно прицелится и нажмет на курок, солдат умрет, но человеческие эмоции не давали этого сделать. Это не то, как убивать монстра или бродягу. В голове мелькнула мысль, что, возможно, эти люди ничего плохого не сделали.

От уродливой реальности, что тебе приходится кого-то убивать, гнев сменяется печалью, выплескиваясь слезами из глаз.

— Заберите у них патроны и уходим, — сухо сказал я.

Мой хрипловатый голос выводит ребят из ступора. Я вижу на их лицах печаль, сожаление и отвращение к самим себе, но у нас нет времени. Беру на себя роль жестокого монстра, приказывая перестать страдать и окунаться в серые, как этот промозглый лес с тающим снегом, эмоции.

Пак Да Хе так и стоит с арбалетом. Подхожу к девушке, забираю оружие и подталкиваю ее к Старому.

— Дон Юн... — начал было старик, но я перебил.

— Идите, я догоню. Давайте, живо!

Понимая, что медлить не стоит, Старый приказал обыскать трупы, а затем спрятать их. Наконец, отряд срывается с места в лагерь, а я поворачиваюсь к дрожащему солдату на земле. В руках арбалет Да Хе, пальцы дрожат, но прицел твёрд.

"Мама..."

Вспоминаю солдата, которого забил камнем тогда в приюте. Помню, как он, истекая кровью, звал свою мать. Я стиснул зубы. Человек, корчащийся на земле сейчас умрет, а моя душа уже давно мертва от неизлечимой болезни.

Воспоминания постоянно преследуют меня, но разве я колебался?

Нет, Квак Дон Юн снова застрелил человека, как и должен был поступить тот, в ком человеческого почти не осталось.

Теперь я ничего не слышу.

[Многие эксперты позже утверждали, что он совсем обезумел, страдая от тяжелого посттравматического стрессового расстройства и многочисленных психозов. Однако люди, которые знали его, так и не приняли эту теорию]

* Дефкон (DEFCON, расшифровывается как «степень боевой готовности») – это измерение уровня боевой готовности оборонных сил государства. По шкале DEFCON используется 5 уровней.

DEFCON 2 — этот уровень предшествует максимальной боевой готовности. Достоверно известен всего один случай объявления этого уровня — во время Карибского кризиса (только для Стратегического авиационного командования — вооружённые силы в целом оставались на уровне DEFCON 3).

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4876401>